

Рудольф Штайнер

Путь к самопознанию человека в восьми медитациях

ПЕРВАЯ МЕДИТАЦИЯ

Медитирующий пытается получить верное представление о физическом теле

Когда душа через чувства и через их представления отдается явлениям внешнего мира, то она не может, при истинном обращении мысли на себя, сказать, что она воспринимает эти явления или что она переживает вещи внешнего мира. Ибо, в действительности, во время отдачи себя внешнему миру она о себе не знает ничего. Солнечный свет, в многообразии цветовых явлений разливающийся от вещей в пространстве, он в сущности изживает себя в душе. Радует ли душа какому-нибудь событию, в мгновение радования она сама - радость, поскольку она знает о том. Радость изживает себя в ней. Душа и ее переживание мира - одно: она переживает себя не как нечто, что радуется, восхищается, наслаждается или страшится. Она сама-радость, восхищение, наслаждение, страх. Если бы душа могла всегда сознаваться себе в этом, то времена, когда она отходит от переживания внешнего мира и наблюдает самое себя, явились бы ей впервые в истинном свете. Они явились бы ей жизнью совсем особого рода и прежде всего совсем не сравнимого с обычной жизнью души. В этой особого рода жизни начинают возникать в сознании загадки душевного бытия. И эти загадки суть источник всех прочих мировых загадок. Внешний мир и внутренний мир предстают пред духом человека, когда душа на некоторое время перестает быть одно с внешним миром и уходит в одиночество самобытия.

Этот уход не есть простое событие, которое, однажды совершенное, могло бы затем быть повторено в том же роде. Это скорее начало странствия в неведомые дотоле миры. Если странствие начато, то каждый сделанный шаг становится поводом к дальнейшим. И он является также подготовкой к этим дальнейшим. Он делает душу впервые способной к последующим шагам. И с каждым шагом узнаешь все больше об ответе на вопрос: что такое человек в истинном смысле слова? Открываются миры, которые сокрыты от обычного воззрения на жизнь. И однако только в них одних заключено то, что может раскрыть истину и о воззрении на жизнь. Если даже ни один ответ и не будет всеобъемлющим, окончательным, то все же ответы, которые завоевываются внутренним странствием души, таковы, что превосходят все, что могут дать нам внешние чувства и связанный с ними рассудок. И в этом ином нуждается человек. Он замечает это, когда действительно обращает мысль свою на себя.

Прежде всего для этого странствия необходимы трезвые, сухие размышления. Они дают верную исходную точку для дальнейшего движения вперед в сверхчувственные области, которые и являются в конце концов целью души. Иные души хотели бы обойтись без этой исходной точки и тотчас же проникнуть в сверхчувственное. Здоровая душа, даже если она из отвращения к подобному размышлению сначала и избегала его, впоследствии все же ему отдается. Ибо сколько бы человек ни узнал о сверхчувственном, отправляясь от иной исходной точки, твердую почву под ногами можно приобрести только через размышления такого рода, как нижеследующее.

В жизни души могут настать мгновения, когда она говорит сама себе так: ты должна быть в состоянии устраниваться от всего, что может дать тебе внешний мир, если ты не хочешь быть вынужденной к признанию, с которым нельзя дальше жить, а именно, что ты лишь само себя изживающее противоречие. То, что ты воспринимаешь вовне, существует без тебя; оно было без тебя и будет без тебя. Зачем краски ощущаются в тебе, если твое ощущение может не иметь для них никакого значения? Зачем вещества и силы внешнего мира строят твое тело? Оно

оживляется для твоего внешнего явления. Внешний мир, слагаясь, образует тебя. Ты замечаешь, что нуждаешься в этом теле. Ибо помимо внешних чувств, которые оно одно может создать тебе, ты прежде всего ничего не мог бы пережить в себе. Каков ты сейчас, ты был бы пуст без твоего тела. Оно дает тебе внутреннюю полноту и содержание. И тогда могут возникнуть все те размышления, без которых не может обойтись человеческое бытие, если оно не хочет в известные наступающие для каждого человека времена вступить в невыносимое противоречие с самим собой. Это тело живет так, что является теперь выражением душевного переживания. Процессы его такого рода, что душа живет им и в нем себя переживает. Настанет время, когда это будет иначе. Своевременно то, что живет в теле, будет подчинено совсем другим законам, чем теперь, когда все протекает для меня, для моего душевного переживания. Оно будет подчинено тем законам, по которым вещества и силы обращаются во внешней природе, заказам, не имеющим больше отношения ко мне и к моей жизни. Тело, которому я обязан, моим душевным переживанием, будет принято в общий круговорот мира и не будет иметь ничего общего со всем тем, что я переживаю в себе.

Такое размышление может вызвать во внутреннем переживании все ужасы мысли о смерти. Чисто личные чувства, которые обычно бывают связаны в душе с этой мыслью, действуют так, что при них не легко устанавливается то спокойное, невозмутимое настроение, которое необходимо при познавательном размышлении. Более чем понятно, что человек ищет знания о смерти и о какой-нибудь жизни души независимо от разложения тела. То положение, которое он занимает по отношению к вопросам, о которых здесь идет речь, способно больше, чем что-либо иное в мире, помрачить объективный взгляд и заставить принять ответы, подсказанные желанием. Но ни о чем нельзя приобрести в духовной области истинного познания, если не будешь, как совершенно непричастный, принимать так же охотно "нет", как и "да". И стоит только добросовестно заглянуть в себя, чтобы стало совершенно ясно, что сознание, будто со смертью тела угасает и душевная жизнь, ты не принял бы с тем же спокойствием, как то, которое говорит о продолжении существования души после смерти. Конечно, есть люди, которые вполне честно верят в уничтожение души вместе с прекращением телесной жизни и которые с этой мыслью устрояют свою жизнь. Однако и о них можно сказать, что в чувствах своих они отнюдь не беспристрастно относятся к этой мысли. Разумеется, они не допускают ужасам уничтожения увлечь их до того, чтобы желание, которое стремится к продолжению жизни, пересилило в них доводы убедительного для них познания. Поскольку и представления таких людей бывают часто более объективны, чем представления тех, которые, не ведая того, морочат себя или позволяют морочить себя доводами в пользу продолжения жизни по той причине, что в тайниках их души горит желание такого продолжения. Однако и у отрицающих бессмертие предвзятость бывает не менее значительна. Она только иного рода. Между ними есть такие, которые создают себе известное представление о том, что называется жизнью и бытием. Это представление приводит их к необходимости измыслить определенные условия, при которых единственно возможна эта жизнь. Из их воззрения на бытие вытекает, что по отпадении тела для жизни души нет больше налицо необходимых условий. Такие люди не замечают, что они предварительно уже создали себе определенное представление о том, как единственно возможна жизнь, и что они только потому не могут верить в ее продолжение после смерти, что их представление не допускает возможности представить свободное от тела бытие. Они связаны, если не своими желаниями, то представлениями, от которых никак не могут освободиться. Существует в этой области еще много предвзятостей. Привести можно всегда лишь единичные примеры из всего того, что бывает в этом роде.

Мысль, что тело, в процессах которого изживает себя душа, подпадет некогда внешнему миру и будет следовать законам, не имеющим никакого отношения к внутреннему переживанию, - эта мысль таким образом ставит перед душой переживание смерти, что никакому желанию, никакому личному интересу нет нужды примешиваться к этому

размышлению. Так что это переживание может привести к чистому безличному вопросу познания. Но тогда вскоре явится и ощущение, что мысль о смерти значительна не сама по себе, но лишь потому, что может пролить свет на жизнь. Неизбежно придешь к тому воззрению, что загадка жизни может быть познана через сущность смерти.

То, что душа требует продолжения своего бытия, должно было бы во всяком случае делать ее недоверчивой ко всем мнениям, которые она создает себе об этом продолжении. Ибо какое дело явлениям мира до того, что чувствует душа. Пускай, согласно своим запросам, она сама себя чувствует бессмысленной, принужденная думать, будто она может подобно пламени, возникающему из горючего вещества, вспыхивать из вещества своего тела и потом вновь угасать. Это все же могло бы быть и так, хотя бы и ощущалось, как бессмыслица. Когда душа обращает взор к телу, то она должна считаться лишь с тем, что оно может явить ей. Кажется, будто в природе действуют законы, которые приводят вещества и силы в круговорот смены, и будто эти законы господствуют над телом и через некоторое время втягивают его в этот общий круговорот.

Эту мысль можно повертывать как угодно: с точки зрения естественнонаучной, она, пожалуй, и применима, но по отношению к истинной действительности она является совершенно невозможной. Можно находить, что эта мысль одна только научно ясна, трезва, а все остальное лишь субъективная вера; это легко вообразить себе. Но при истинной непредвзятости на ней остановиться нельзя. А в этом все дело. Важно не то, что душа существом своим ощущает как необходимое, а то, что являет внешний мир, из которого заимствовано тело. Этот внешний мир после смерти вбирает в себя свои вещества и силы. И в нем они тогда следуют законам, для которых совершенно безразлично, что происходит в человеческом теле во время жизни. Эти законы (физического и химического порядка) относятся к телу так же, как и ко всякому другому безжизненному предмету внешнего мира. Невозможно думать иначе, как что это безразличное отношение внешнего мира к человеческому телу наступает не только со смертью, но что оно таково уже и во время жизни. Представление об участии чувственного внешнего мира в человеческом теле можно почерпнуть только из мысли: на все, что является в тебе носителем твоих внешних чувств, посредником для тех событий, которыми живет твоя душа, воспринимаемый тобою мир влияет так, как являет тебе это твое представление, которое простирается за пределы твоей жизни. Всякое другое представление об отношении чувственного внешнего мира к телу дает уже само по себе почувствовать свою несостоятельность перед действительностью. Представление же, что действительное участие внешнего мира в теле обнаруживается только после смерти, не находится в противоречии ни с чем из того, что на самом деле переживается во внешнем и внутреннем мире. Душа не чувствует ничего невыносимого при мысли, что ее вещества и силы подчинены ходу событий внешнего мира, не имеющих ничего общего с ее собственной жизнью. При полной и непредвзятой отдаче себя жизни душа не может открыть в глубинах своих ни одного возникающего из тела желания, которое делало бы ей тягостной мысль о разложении после смерти. Невыносимым могло бы стать лишь представление, будто возвращающиеся во внешний мир вещества и силы уносят с собой и изнывающую душу.

Приписывать внешнему миру совсем иное участие в жизни тела при жизни, нежели после смерти, бессмысленно. Подобная мысль постоянно отталкивалась бы от действительности, в то время как мысль о совершенной тождественности участия внешнего мира в теле при жизни, как и после смерти - вполне здравая мысль. Когда душа приняла эту мысль, она чувствует себя в полной гармонии с откровением действительности. Она чувствует, что благодаря этим представлениям она не вступает в противоречие с данными действительности, которые говорят сами за себя и к которым нельзя присоединить никакой искусственной мысли.

Не всегда отдают себе отчет, в каком прекрасном созвучии находится естественное, здоровое чувство души с откровением природы. Это может показаться настолько само по себе понятным, что на это как будто и не стоит обращать внимания, и все же это по видимости незначительное явление может многое осветить. Ничего невыносимого не содержится в мысли, что тело разложится на элементы, но бессмысленность заключена в представлении, что то же постигнет и душу. Кто совершенно сознательно воспримет эту мысль, тот ее почувствует как непосредственную достоверность. Но так думают как верующие в бессмертие, так и отрицающие его. Последние, может быть, скажут, что в законах, которые действуют в теле после смерти, заключены также и условия его отправлений при жизни; но они ошибаются, если полагают, что могут на самом деле представить себе, будто законы эти находятся в течение жизни в ином отношении к телу как носителю души, нежели после смерти.

Само по себе возможно лишь представление, что и то особое сочетание силы, которое выявляется в теле, настолько же безучастно к телу - носителю души, как и то сочетание, которое обуславливает процессы в мертвом теле. Это безучастие существует не по отношению к душе, но по отношению к веществам и силам тела. Душа переживает себя в теле; тело же живет с внешним миром, в нем, посредством его, и для него душевное не имеет иного значения, как и события внешнего мира. Надо прийти к воззрению, что тепло и холод внешнего мира имеют для кровообращения такое же значение, как страх или стыд, испытываемые душой.

Итак, прежде всего чувствуешь в себе законы внешнего мира действующими в том совершенно особом сочетании, которое сказывается в образовании человеческого тела. Ощущаешь это тело как часть внешнего мира. Но внутреннему сочетанию его остаешься чужд. Внешняя наука отчасти выясняет теперь то, каким образом законы внешнего мира скрещиваются в том совершенно особом существе, каким является человеческое тело. Можно ожидать, что в будущем знание это будет все более подвигаться вперед. Но в том, как должна думать душа о своем отношении к телу, ничего не может изменить подвигающееся вперед знание. Напротив, все яснее должно оно будет показать, что законы внешнего мира находятся в одинаковом отношении к душе до и после смерти. Иллюзия ожидать, что с успехами познания природы выяснится из законов внешнего мира, как происходящие в теле процессы обуславливают душевную жизнь. Эти процессы всегда будут являться такими, которые душа ощущает как нечто столь же внешнее по отношению к ней, как и то, что происходит в теле после смерти.

Поэтому во внешнем мире тело должно являться как взаимодействие сил и веществ, существующее и объяснимое само по себе как член этого внешнего мира. Природа производит растение и снова разлагает его. Она господствует над человеческим телом и уничтожает его в своем существе. Когда человек подходит с таким размышлением к природе, то он может забыть себя и все, что есть в нем, и ощутить при себе свое тело как часть внешнего мира. Когда он думает так о своем отношении к себе и к природе, он переживает в себе то, что можно назвать его физическим телом.

ВТОРАЯ МЕДИТАЦИЯ

Медитирующий пытается получить истинное представление о стихийном или эфирном теле

Через представление, которое должна составить себе душа по поводу факта смерти, может она быть приведена к полной неуверенности относительно своего собственного существа. Это произойдет в том случае, если она думает, что не может ничего знать ни о каком другом мире, кроме как о мире внешних чувств, и о том, что может познать об этом мире рассудок. Обычная душевная жизнь обращает свой взор на физическое тело. Она видит, как оно переходит после смерти в общий круговорот природы, не принимающий участия в том, что душа переживает до смерти как собственное бытие. Правда, она может знать (из предыдущей медитации), что физическое тело и во время жизни имеет к ней то же отношение, как и после смерти, но это не ведет ее дальше признания внутренней самостоятельности ее собственного переживания до смерти. Что происходит с физическим телом после смерти, показывает ей наблюдение внешнего мира. Для внутреннего переживания такого наблюдения не существует. Такой, какова она есть, эта жизнь души не может устремить взора за предел смерти. Если душа не в состоянии составить себе представлений, выходящих за пределы того мира, который принимает в себя тело после смерти, то она не имеет возможности заглянуть во что-либо иное по ту сторону смерти, кроме как в пустое "ничто" по отношению ко всему душевному.

Чтобы могло быть иначе, душа должна была бы воспринимать внешний мир другими средствами, нежели внешними чувствами и связанным с ними рассудком. Они сами принадлежат к телу и уничтожаются вместе с ним. То, что они говорят, никогда не может привести ни к чему иному, кроме как к выводу первой медитации. А он состоит лишь в том, что душа может признаться себе: ты привязана к своему телу, последнее подчинено законам природы, имеющим к тебе такое же отношение, как и прочие законы природы. Та часть внешнего мира, которая имеет часть в тебе, проявляется всего яснее, когда ты размышляешь о том, что делает этот мир с твоим телом после смерти. Для жизни дает он тебе внешние чувства и рассудок, которые делают для тебя невозможным видеть то, что происходит с твоим душевным переживанием за пределом смерти. Это признание может привести только к двум результатам. Или всякое дальнейшее исследование о загадке души будет подавлено, и надо будет отказаться от какого-либо знания в этой области. Или же будут сделаны усилия достичь внутренним душевным переживанием того, в чем отказывает внешний мир. Эти усилия могут привести к тому, что сделают внутреннее переживание сильнее и энергичнее, чем оно бывает в обыкновенном существовании.

В обыкновенной жизни человек обладает известной силой своих внутренних переживаний и жизни своих ощущений и мыслей. Он занят, например, какой-нибудь мыслью, лишь поскольку имеется к тому какой-нибудь внешний или внутренний повод. Но можно выбрать из ряда мыслей одну какую-нибудь мысль и без дальнейшего повода вновь и вновь продумывать ее, внутренне напряженно переживать ее. Можно делать эту мысль единственным предметом своего внутреннего переживания повторно. И пока это делаешь, можно не допускать до себя никаких внешних впечатлений или воспоминаний, готовых возникнуть в душе. Такую полную, исключаящую все остальное отдачу себя известным мыслям или также ощущениям можно сделать правильной внутренней деятельностью. Чтобы такое внутреннее переживание привело к действительно значительным последствиям, оно должно быть во всяком случае предпринято на основании известных, испытанных законов. Такие законы указываются наукой о духовной жизни. Многие из них приведены в моем сочинении "Как достигаются познания высших миров". Таким путем достигается укрепление сил внутреннего переживания. Последнее до известной степени сгущается. Что благодаря этому происходит, можно узнать из наблюдений над собой, которые наступают, если вышеозначенную внутреннюю деятельность продолжать достаточно долгое время. В большинстве случаев потребуется, конечно, много терпения, пока не проявятся убедительные результаты. И кто не согласен в течение долгих лет прилагать это терпение, тот ничего особенного и не достигнет.

Здесь можно привести только пример таких результатов. Они бывают разнородны. И то, что будет здесь приведено, пригодно для продолжения медитативного пути, с описания которого мы начали.

Человек может долго упражняться в указанном внутреннем укреплении своей душевной жизни. Возможно, что он не переживет в себе ничего такого, что могло бы заставить его думать о мире иначе, чем он дотоле привык. Естественно, что то, что будет здесь описано, не произойдет и у двух людей совершенно одинаковым образом. Но кто захочет получить представление об одном из таких переживаний, тот уяснит себе и всю ту область, о которой здесь идет речь.

Может наступить такое мгновение, когда душа будет внутренне переживать себя совершенно иначе, чем обыкновенно. В большинстве случаев душа от сна как бы оживает к сновидению. Но тотчас оказывается, что это переживание нельзя сравнить с тем, что обычно разумеешь под сновидением. Бываешь тогда совершенно восхищен миром внешних чувств и рассудка и однако переживаешь все так же, как и в обычной жизни, когда противостояшь внешнему миру в бодрствующем состоянии. Чувствуешь себя вынужденным представить себе это переживание. Для этого представления берешь те понятия, какие имеются в обыкновенной жизни, но очень хорошо знаешь, что переживаешь нечто иное, чем то, к чему нормально эти понятия относятся. На последнее смотришь только как на средства для выражения переживания, которого дотоле не испытывал и о котором знаешь, что в обыкновенном бытии оно невозможно. Чувствуешь себя как бы окруженным со всех сторон грозowymi бурями. Слышишь гром и видишь молнии. Знаешь, что находишься в комнате дома. Чувствуешь себя пронизанным силой, о которой дотоле ничего не знал. Потом чудится, что видишь в стенах вокруг себя трещины. Самому себе или личности, которая, как полагаешь, стоит рядом с тобой, хочется сказать: дело плохо; молния ударила в дом, она охватывает меня; я чувствую себя схваченным ею; она меня уничтожает. И когда пройдет целый ряд таких представлений, внутреннее переживание переходит из снов в обычное душевное состояние. Находишь себя в себе вместе с воспоминанием о только что пережитом. Если это воспоминание так же живо и точно, как и всякое другое, оно дает возможность составить суждение о том, что было пережито. Тогда непосредственно знаешь, что пережито было нечто, чего нельзя пережить никаким телесным чувством, а также и обыкновенным рассудком. Ибо чувствуешь, что только что сделанное описание, какое можно дать себе или другим, есть лишь средство выразить это переживание. Выражение это хотя и является средством объяснения этого предмета, но само не имеет с ним ничего общего. Знаешь, что для такого переживания не нуждаешься ни в каком внешнем чувстве. Кто станет здесь говорить о скрытой деятельности внешних чувств или мозга, тот не знаком с истинным характером этого переживания. Он держится за описание, которое говорит о молнии, громе, трещинах в стене, и поэтому думает, что душа пережила лишь отголоски обыденной жизни. Он принужден считать пережитое лишь за видение в обыкновенном смысле слова. Он не может думать иначе. Одно оставляет он здесь без внимания, что изображающий такое переживание берет слова: молния, гром, трещины в стене, как образы для пережитого, но что он не смешивает его с образами. Правда, дело ему представляется так, как если бы он действительно воспринимал эти образы. Но в данном случае он не так относится к явлению молнии, как когда он видит ее своими глазами. Видение молнии является для него, как нечто, покрывающее только отчасти действительное переживание; сквозь молнию смотрит он на нечто совсем иное, что в чувственном внешнем мире пережито быть не может.

Для произнесения верного суждения необходимо, чтобы переживающая подобное состояние душа совершенно здраво отнеслась к внешнему миру, когда это переживание окончится. Она должна быть в состоянии правильно сравнивать то, что испытала как особое переживание, с переживанием обычного внешнего мира. Кто даже в обычной жизни склонен предаваться всяким мечтаниям по поводу вещей, тот мало пригоден для такого суждения. Чем

больше у человека здорового, хотелось бы сказать, трезвого чувства действительности, тем это лучше, когда речь идет о правдивом и веском обсуждении подобных вещей. Отнестись с доверием к сверхчувственным переживаниям можно только, когда имеешь право сказать себе по отношению к внешнему миру, что принимаешь вещи и события отчетливо такими, как они суть.

Если все необходимые условия таким образом исполнены, и ты имеешь основание признать, что не пал жертвой простого видения, то знаешь, что пережил нечто, для чего тело не послужило посредником при наблюдении. Наблюдение было произведено помимо тела непосредственно ставшей крепче в самой себе душой. Ты получил представление о переживании вне твоего тела.

Ясно, что в этой области закономерные различия между мечтанием или иллюзией и подлинным, произведенным вне тела наблюдением не могут быть даны в ином смысле, чем в области восприятий внешних чувств. Бывает, что какой-нибудь человек обладает живым вкусовым воображением и уже при одном представлении о лимонаде ощущает почти так, как если бы он его действительно пил. Но различие между тем и другим выяснится тем не менее из всей совокупности жизненных отношений. То же можно сказать и о переживаниях вне тела. Чтобы прийти в этой области к совершенно убедительным представлениям, надо в нее здраво вжиться, приобрести способность наблюдать взаимную связь переживаний и таким образом исправлять одно другим.

Путем таких переживаний, как только что описанное, получаешь возможность не одними только внешними чувствами или рассудком, то есть орудиями телесными, наблюдать то, что составляет часть нас самих. Теперь не только знаешь о мире нечто другое, нежели о нем дают нам познание эти орудия, но также и знаешь о нем по-другому. И это особенно важно. Душа, проходящая через внутреннее превращение, все более и более приходит к воззрению, что угнетающие вопросы бытия потому не могут быть разрешены в мире внешних чувств, что внешние чувства и рассудок не могут достаточно глубоко проникать в мир. Глубже проникают души, которые так изменяются, что могут переживать вне тела. В сообщениях, которые они могут давать о своих переживаниях, заключается то, что в состоянии разрешить душевные загадки.

Но переживание, протекающее вне тела, бывает совсем иного рода, чем переживание в теле. Именно это выясняется суждением, которое можно составить себе по поводу описанного переживания, когда после него наступило обычное, бодрствующее состояние души и установилось живое и достаточно ясное воспоминание. Душа ощущает чувственное тело отделенным от остального мира, она воспринимает его лишь как часть себя. Иначе бывает с тем, что переживаешь в себе вне тела. Тогда чувствуешь себя связанным со всем, что можно назвать внешним миром. Все окружающее чувствуешь связанным с собой, как в жизни внешних чувств - свою руку. Различия внешнего мира не существуют по отношению к внутреннему душевному миру. Ощуаешь себя в полной мере как бы сросшимся, сплетенным с тем, что можно назвать миром. Действия его ощутительно проходят через твое собственное существо. Нет резкой границы между внутренним и внешним миром. Из области последнего все окружающее так же связано с созерцающей душой, как с физической головой - обе телесные руки. И все же можно говорить о некоей части этого внешнего мира, которая больше связана с собственным твоим существом, нежели все прочее, - как можно сказать о голове, что по отношению к рукам или ногам она является самостоятельным членом.

Душа называет часть чувственного внешнего мира своим телом. Душа, переживающая вне этого тела, может также считать своей часть нечувственного внешнего мира. Когда человек достигает наблюдения этой области, лежащей по ту сторону мира внешних чувств, он может говорить о том, что к ней принадлежит некое не воспринимаемое внешними чувствами тело.

Это тело можно назвать стихийным или эфирным; причем слово "эфирное" не надо связывать с представлением о тонком веществе, названном в физике "эфиром".

Как простое размышление об отношении человека к природному внешнему миру создает соответствующее данным действительности представление о физическом теле, так и странствие души в области, которые могут быть зримы вне тела внешних чувств, приводит к признанию стихийного или эфирного тела.

ТРЕТЬЯ МЕДИТАЦИЯ

*Медитирующий   пытается   составить   себе   представление
о ясновидческом познании стихийного мира*

Переживаешь внешних чувств мышлению, когда мир, неведомый восприятиям и обыкновенному рассудочному начинаешь воспринимать не чувственным телом, но помимо него телом стихийным. Если сравнивать этот мир с чем-нибудь, принадлежащим к обычному переживанию, то это будет мир воспоминаний, представлений памяти. Как эти последние возникают из глубины души, так бывает и со сверхчувственными переживаниями стихийного тела. Но только, когда возникает образ воспоминания, душа знает, что он относится к прежнему переживанию в мире внешних чувств. Сверхчувственное представление тоже содержит в себе известное отношение. Как представление памяти само собою возвещает о себе, как о чем-то, что нельзя назвать одним лишь образом фантазии, так бывает и с представлением сверхчувственным. Оно вырывается из душевного переживания, но тотчас же открывается, как внутреннее переживание, имеющее отношение к чему-то внешнему. Образом воспоминания вызывается в душе нечто, что было пережито. Благодаря сверхчувственному представлению становится внутренним душевным переживанием то, что когда-то или где-то было налицо в сверхчувственном мире. И так самой сущностью сверхчувственных представлений открывается, что можно смотреть на них, как на внутренне раскрывающиеся сообщения из сверхчувственного мира.

Как далеко можно подвинуться в такого рода переживаниях сверхчувственного мира, зависит от степени энергии, с которой добиваешься укрепления душевной жизни. Получаешь ли просто понятие о том, что растение не есть только то, что воспринимаешь в мире внешних чувств, или подобное понятие получаешь обо всей земле, и то и другое принадлежит к одной и той же области сверхчувственного переживания. Когда достигший способности воспринимать помимо своего чувственного тела смотрит на растение, то он может кроме того, что показывают ему его внешние чувства, воспринимать еще некий тонкий облик, проникающий все растение. Этот облик является ему как бы существом-силою; и он приходит к тому, что начинает рассматривать это существо-силу, как то самое, что из веществ и сил чувственного мира строит растение, что обуславливает обращение его соков. Применяя возможное, хотя не совсем точное выражение, он может сказать: в растении есть нечто, что таким же образом приводит в обращение его соки, как моя душа поднимает мою руку. Он обращает взор на нечто внутреннее в растении. И за этим внутренним существом растения должен он признать самостоятельность по отношению к тому, что видят в растении его внешние чувства. Он должен также признать за ним, что оно существовало до чувственного растения. Он достигает того, что наблюдает, как растение растет, увядает, дает семена и как из последних возникает новое растение. Сверхчувственный силовой облик особенно могуществен, когда это наблюдение ведется за ростком растения. Тогда чувственное существо в известном отношении неприметно, сверхчувственное же, наоборот, многосложно. Оно включает в себе все то, что из мира сверхчувственного работает над созиданием и ростом растения. При сверхчувственном наблюдении всей земли познается некое существо-сила, о котором можно с совершенной уверенностью знать, что оно существовало раньше, чем возникло все то, что на земле и в земле

может быть воспринято чувственно. Этим путем приходишь к тому, что перед тобой оживают сверхчувственные силы, которые в прошлые времена земли работали над ней. То, что переживаешь таким образом, можно назвать эфирными или стихийными основными существами или телами растения и земли, подобно тому как тело, которым ты воспринимаешь вне тела физического, ты называешь своим стихийным или эфирным телом.

Уже при самом начале способности сверхчувственного наблюдения станет возможным приписывать известным вещам и событиям мира внешних чувств, кроме их чувственных качеств, еще и такие основные существа. Будешь говорить об эфирном теле растения или земли. Но стихийные существа, наблюдаемые таким образом, бывают отнюдь не единственными, являющимися сверхчувственному переживанию. О стихийном теле растения скажешь, что оно слагает в облик вещества и силы мира внешних чувств и таким путем изживается в чувственном теле. Но можно еще наблюдать существа, которые ведут стихийное существование, не изживаясь в теле внешних чувств. Таким образом сверхчувственному наблюдению представляются и чисто стихийные существа. Переживается не только нечто как бы в дополнение к миру внешних чувств; переживается мир, в котором чувственный мир представляется как бы кусками льда, плавающими в воде. Кто был бы в состоянии видеть один только лед, а не воду, тот мог бы приписать действительность только льду, а не воде. Кто хочет держаться только того, что открывают ему внешние чувства, тот отрицает сверхчувственный мир, в котором мир внешних чувств составляет лишь часть, как находящиеся в воде куски льда - только часть всей массы воды.

Найдут, что люди, способные делать сверхчувственные наблюдения, употребляют при описании того, что они видят, выражения, заимствованные у чувственных ощущений. Таким образом, можно встретить такое описание стихийного тела какого-нибудь существа мира внешних чувств или чисто стихийного существа, где будет сказано, что оно является замкнутым в себе самом, разнообразно окрашенным световым телом. Оно вспыхивает красками, мерцает или светится, и заметно, что эти цветовые или световые явления суть проявления его жизни. То, о чем в сущности говорит наблюдатель, совершенно видимо, и он сознает, что световой или цветовой образ имеет такое же отношение к тому, что он воспринимает, как, скажем, сочинение, в котором сообщается о каком-нибудь событии, к самому событию. Однако это не значит, будто сверхчувственное было выражено произвольно представлениями чувственных ощущений; но во время наблюдения перед тобой действительно картина, похожая на впечатление внешних чувств. Это происходит оттого, что в сверхчувственном переживании освобождение от чувственного тела не бывает полным. Последнее все еще продолжает жить со стихийным телом и переводить сверхчувственное переживание в чувственную форму. Подобное описание какого-нибудь стихийного существа производится тогда действительно так, что оно оказывается как бы визионарным или фантастическим сочетанием впечатлений внешних чувств. Когда дается такое описание, оно бывает, несмотря на это, верной передачей пережитого. Ибо человек видел то, что он описывает. Ошибка, которая может быть сделана, заключается не в том, что видение описывается как таковое, а в том случае, если видение будет принято за действительность, а не за то, на что указывает видение, как на отвечающую ему действительность.

Человек, который никогда не воспринимал цветов, - слепорожденный, - если приобретет способность видеть, никогда не станет описывать стихийные существа, говоря, что они вспыхивают как цветовые явления. Он будет пользоваться для выражения теми представлениями ощущений, которые ему привычны. Людям же, способным видеть чувственно, вполне свойственно при описании использовать выражения: вспыхивает цветовой облик. Этим они могут создать себе ощущение того, что видит наблюдатель стихийного мира. И это не только при сообщении, которое ясновидящий - назовем так человека, способного наблюдать своим стихийным телом, - делает не ясновидящему, но и при сообщении ясновидящих между собою. В мире внешних чувств человек живет в своем чувственном теле, и последнее облакает

для него его сверхчувственные наблюдения в формы внешних чувств: поэтому в человеческой земной жизни выражение сверхчувственных наблюдений посредством вызванных ими образов внешних чувств является пока все еще пригодным родом сообщения.

Дело в том, что у воспринимающего такое сообщение в душе имеется переживание, которое находится в правильном отношении к данному событию. Чувственные образы сообщаются лишь затем, чтобы через них было нечто пережито. Такими, как они представляются, они не могут встретиться в мире внешних чувств. Это и есть их особенность. Потому-то они и вызывают переживания, которые не имеют отношения ни к чему чувственному.

В начале своего ясновидения человек лишь с трудом будет освобождаться от отпечатка чувственного образа. Но при дальнейшем развитии этой способности возникнет во всяком случае потребность измыслить более произвольные средства изображения для сообщения виденного. При этом неизменно возникает необходимость сначала объяснить некоторые знаки, которыми пользуешься. Чем больше потребует современная культура, чтобы сверхчувственные познания получали всеобщую известность, тем более выдвинется потребность передавать эти познания посредством выражений, заимствованных из повседневной жизни в мир внешних чувств.

Сверхчувственные переживания могут проявляться так, что они наступают в известные времена. Они находят тогда на человека. И последнему представляется возможность путем своего собственного переживания узнавать о сверхчувственном мире в той мере, в какой этот мир более или менее часто благодатно озаряет его тем, что освещает его обычную душевную жизнь. Но высшая способность заключается в том, чтобы произвольно вызывать, извлекая из обычной душевной жизни, ясновидческое наблюдение. Путь к достижению этой способности в общих чертах заключается в энергичном продолжении внутреннего укрепления душевной жизни. Но многое зависит также и от достижения известного душевного настроения. Необходимо спокойное, тихое отношение к сверхчувственному миру. Отношение, которое так же далеко от жгучего желания узнать возможно больше и возможно яснее, как и от отсутствия интереса к этому миру. Жгучее желание действует так, что оно распространяет перед освобожденным от тела созерцанием как бы невидимый туман. Отсутствие же интереса действует так, что сверхчувственные вещи на самом деле открываются, но остаются просто незамеченными. Это отсутствие интереса выражается иногда совершенно особым образом. Есть люди, которые самым честным образом хотели бы иметь переживания сновидения. Но они с самого начала создают себе совершенно определенное представление о том, каковы должны быть эти переживания, чтобы они могли признать их за подлинные. И вот наступают действительные переживания; но они проскальзывают мимо, встреченные без интереса, оттого что они не таковы, какими люди представили их себе.

При ясновидении, вызванном произвольно, во время внутренней деятельности души наступает однажды мгновение, когда знаешь: вот сейчас душа переживает нечто, чего она не переживала доселе.

Переживание это не какое-нибудь определенное, но общее чувство, что перед тобой не чувственный внешний мир, что ты не в нем, но однако и не в себе, как это бывает в обыкновенной душевной жизни. Внутреннее и внешнее переживание сливаются воедино, в одно чувство жизни, которое было дотоле неизвестно душе, но о котором она знает, что не могла бы иметь его, если бы только внешними чувствами жила с внешним миром или если бы жила только в своих обычных ощущениях и представлениях памяти. Далее чувствуешь, что в это душевное состояние вкрадывается нечто из доселе неведомого мира. Но не можешь найти представления для этого неведомого. Тем, кто это переживает, овладевает чувство, как если бы

препятствие представить себе то, что просится в душу, заключалось в его чувственно-физическом теле. Если же продолжать делать вновь и вновь внутренние душевные усилия, то через некоторое время почувствуешь себя победителем над сопротивлением своего тела. Физический аппарат рассудка до сих пор был приспособлен только к созданию представлений, примыкающих к переживаниям чувственного мира. Вначале он неспособен возвысить до представления то, что хочет открыться из мира сверхчувственного. Его надо сначала проработать, чтобы он стал на это способен. Как вокруг ребенка разворачивается внешний мир, но его аппарат рассудка должен быть предварительно подготовлен переживанием этого внешнего мира, чтобы суметь создавать себе представления об окружающем; так и человек вообще не в состоянии представить себе сверхчувственный мир. То же самое, что происходит в ребенке, но на более высокой ступени производит и ясновидящий над своим аппаратом представления. Он предоставляет своим укрепленным мыслям действовать на этот аппарат. Тем самым последний постепенно преобразуется. Он становится в силах ввести сверхчувственный мир в жизнь представлений. Чувствуешь, как внутренней душевной деятельностью действуешь созидательно на свое собственное тело. Сначала оно сказывается как тяжелое противодействие душевной жизни, чувствуешь его в себе как какой-то чуждый предмет. Потом замечаешь, как оно все больше приспособляется к переживанию души. Прежде чем душа сможет увидеть сверхчувственный мир, тело должно стать неощутимым. Если таким образом достигнуто произвольное ясновидение души, то, как общее правило, это состояние может всегда быть вызвано снова при сосредоточении на какой-нибудь мысли, которую можешь особенно сильно пережить в себе. Следствием отдачи себя таким мыслям будет наступление ясновидения. Сначала не будешь еще в состоянии увидеть то вполне определенное, что хочешь видеть. В душевную жизнь будут вмешиваться сверхчувственные вещи и события, которые никоим образом не готовился увидеть и которые как таковые вовсе не хотел вызвать. Однако при дальнейшем внутреннем напряжении удастся направить духовный взгляд на те предметы, которые намереваешься узнать. Как стараешься вызвать в памяти забытое переживание тем, что вызывает в душе родственное ему, так и, будучи ясновидящим, можно исходить из переживания, о котором имеешь основание думать, что оно находится в связи с искомым. Если интенсивно отдаваться уже знакомому, то часто через некоторое время к нему присоединяется и то, что ты намереваешься пережить. Вообще же надо заметить, что для ясновидящего спокойное выжидание благоприятного мгновения имеет величайшую ценность. Не нужно стремиться насильно привлекать что-либо. Если желанное переживание не наступает, то лучше пока отказаться от него и впоследствии найти к тому еще раз случай. Познавательный аппарат человека нуждается в спокойном созревании для известных переживаний. У кого нет терпения выждать такого созревания, тот будет делать неверные или неточные наблюдения.

ЧЕТВЕРТАЯ МЕДИТАЦИЯ

*Медитирующий   пытается   составить   представление
о "страже порога"*

Когда душа достигла способности наблюдать что-либо вне чувственного тела, для нее могут наступить известные трудности в жизни чувств. Она может увидеть себя вынужденной занять по отношению к себе самой совершенно иное положение, чем к какому привыкла раньше. К миру внешних чувств она стояла в таком отношении, что смотрела на него как на мир внешний, а на внутренние переживания - как на свою собственность. К сверхчувственному внешнему миру она не может отнестись так. Как только она воспринимает этот внешний мир, она до известной степени и сливается с ним; она не может себе представить себя отделенной от него так, как от чувственного внешнего мира. Поэтому все, что она может назвать своим внутренним миром по отношению к этому сверхчувственному внешнему миру, принимает известную особенность, которую сначала трудно бывает соединить с представлениями о внутреннем. Нельзя больше сказать: я мыслю, я чувствую, или: у меня есть мысли, и я слагаю

их. Надо сказать: нечто мыслит во мне, нечто зажигает во мне чувства, нечто слагает мысли, так что они выступают совершенно определенно и оказываются присутствующими в сознании.

Это чувство может быть чрезвычайно гнетущим, если характер сверхчувственного переживания таков, что дает уверенность в том, что на самом деле переживаешь действительность, а не предаешься фантастике и иллюзии. Тем, как чувство проявляется, оно показывает, что сверхчувственный внешний мир хочет почувствовать себя, хочет мыслить себя; но нечто мешает ему осуществить это. В то же время получаешь ощущение, что то, что так просится в душу, и есть настоящая действительность, и что она одна может объяснить все то, что до сих пор переживалось как действительность. И это ощущение также принимает такую форму, что сверхчувственная действительность является чем-то, что ценностью своей далеко затмевает доселе ведомую душе действительность. Это ощущение потому гнетуще, что приходишь к мысли: следующий шаг, который предстоит сделать, должно хотеть сделать. В самом существе того, чем ты стал благодаря своему внутреннему переживанию, заключена необходимость сделать этот шаг. Как отрицание того, что ты есть, даже как самоуничтожение пришлось бы это ощутить, если бы этот шаг не был сделан. И однако может явиться и такое чувство, что не можешь его сделать, или, если и предпримешь насколько это возможно, он будет несовершенным.

Все это обращается в представление: душе, какова она теперь есть, предстоит задача, с которой ей не справиться, ибо такой, какова она сейчас, она не может быть принята сверхчувственным внешним миром, потому что последний не хочет ее в себя. Таким образом душа начинает чувствовать себя в противоречии со сверхчувственным миром, она должна сказать себе: ты не такова, чтобы могла слиться с этим миром. Но только он может показать тебе истинную действительность, а также и то, как сама ты относишься к этой истинной действительности; таким образом ты отделилась от подлинного наблюдения правды. Это чувство означает опыт, который становится все более и более решающим относительно ценности собственной души. Чувствуешь, что со всей полнотой своей жизни находишься в заблуждении. Однако это заблуждение отличается от других заблуждений. Заблуждение мысленное устраняется, когда на место неверной мысли ставят верную. Пережитое заблуждение стало частью самой душевной жизни; ты теперь сам - заблуждение; нельзя его просто исправить, потому что можно думать как угодно, а оно здесь, оно часть действительности, и притом твоей собственной действительности. Такое переживание содержит в себе нечто уничтожающее для твоей собственной сущности. Ощущаешь, как твое внутреннее мучительно отталкивается всем тем, чего страстно желаешь. Эта боль, ощущаемая на известной ступени душевного странствия, далеко превосходит все то, что можно испытать как боль в мире внешних чувств. И поэтому может она также возвыситься над всем, что было достигнуто предшествовавшей душевной жизнью. Она может иметь в себе нечто оглушающее. Душа стоит перед чутким вопросом: откуда мне взять силы, чтобы вынести то, что на меня возложено. И она должна найти эти силы в своей собственной жизни. Они состоят в том, что можно назвать внутренним мужеством, внутренним бесстрашием.

Чтобы подвинуться теперь дальше в душевном странствии, надо быть приведенным к тому, чтобы изнутри раскрылись такие силы выносить свои переживания, которые бы давали внутреннее мужество и внутреннее бесстрашие, каких вовсе не надо для жизни в теле внешних чувств. Такие силы получаются только через истинное самопознание. Только на этой ступени развития в сущности видишь, как мало до сих пор действительно знал о себе. Отдавался внутреннему переживанию, не рассматривая его так, как рассматриваешь часть внешнего мира. Но благодаря тем шагам, которые привели к способности переживать вне тела, получают особые средства к самопознанию. Научаешься до некоторой степени смотреть на себя с той точки зрения, которая появляется, только когда находишься вне чувственного тела. И описанное удручающее чувство само уже есть начало истинного самопознания. Переживание себя в

заблуждении в своем отношении к внешнему миру показывает собственную душевную сущность, какова она в действительности.

В природе человеческой души - ощущать такое открытие о себе самом, как нечто мучительное. Только когда почувствуешь эту муку, узнаешь, как сильно вполне понятное само по себе желание считать себя, каков ты есть, за человека ценного, значительного. Пусть кажется безобразным, что это так; надо свободно стать лицом к лицу с этим безобразием самого себя. Раньше ты не чувствовал этого безобразия по той именно причине, что никогда не проникал действительно своим сознанием в собственное существо. Только в такое мгновение впервые замечаешь, как любишь в себе то, что теперь приходится ощущать как безобразное. Могущество себялюбия является в полном своем размере. И в то же время сказывается, как мало бываешь склонен отбросить это себялюбие. Когда речь идет о свойствах души, касающихся обычной жизни, отношения к другим людям, и тогда уже трудность бывает достаточно велика. Через истинное самопознание узнаешь, например, следующее: ты думал доселе, что относился к какому-нибудь человеку доброжелательно, а на самом деле питал к нему скрытую в глубинах души зависть или ненависть или подобное им. Признаешь, что эти не обнаруживавшиеся до сих пор чувства захотят наверное когда-нибудь выявиться. И становится ясным, что было бы совершенно поверхностным сказать себе: вот ты теперь узнал, как обстоит у тебя дело, так уничтожь же в себе зависть и ненависть. Но обнаруживаешь, что при всех этих мыслях окажешься некогда наверно весьма слабым, когда жажда удовлетворить ненависть, изжить зависть вырвется из души с как бы природной мощью. Такие особые самопознания являются у того или другого человека в зависимости от особого склада его душевного существа. Они возникают, когда наступает переживание вне тела внешних чувств, ибо именно тогда самопознание становится истинным и, не может быть больше затемнено желанием увидеть себя таким или иным, каким было бы приятно быть.

Эти особые самопознания бывают мучительными, удручающими для души. Тот, кто хочет приобрести способность переживать вне тела, не может их избежать. Ибо они неизбежно наступают благодаря тому совсем особому отношению, которое он должен выработать в своей душе. Но необходимы величайшие душевные силы, когда речь идет о совсем общем человеческом самопознании. Наблюдаешь себя с точки зрения, находящейся за пределами прежней душевной жизни. Говоришь себе самому: ты смотрел на вещи и события мира по своему человеческому существу и так судил о них. Попытайся представить себе, что ты не можешь так смотреть на них, так судить о них. Тогда ты вообще не был бы тем, что ты есть. Ты не имел бы внутренних переживаний. Ты сам был бы ничто. Так говорить себе должен не только тот, кто живет в повседневности и лишь изредка создает себе представления о жизни и о мире. Так должен сказать себе каждый ученый, каждый философ. Ибо и философия только наблюдение и обсуждение мира согласно свойствам человеческой душевной жизни. Но такое обсуждение не может слиться со сверхчувственным внешним миром. Оно отвергается этим последним. А тем самым отвергается и все то, чем ты был до сих пор. Оглядываешься на всю свою душу, на все свое "я", как на что-то, что должно отбросить, если хочешь вступить в сверхчувственный мир. Однако душа не может не считать этого "я" самым существом своим, пока она не вступит в сверхчувственный мир. Она должна видеть в нем истинное человеческое существо. Она должна сказать себе: через это мое "я" должна я создавать себе представления о мире; это мое "я" нельзя мне потерять, если я не хочу потеряться сама как существо. Ибо в ней сильнейшее стремление повсюду сохранить свое "я", чтобы не потерять всякую почву под ногами. Того, что душа таким образом по праву должна ощущать в обыденной жизни, нельзя ей больше ощущать, когда она вступает в мир сверхчувственный. Она должна здесь перешагнуть порог, за которым ей надлежит оставить не только то или иное ценное достояние, но оставить то, чем она была доселе для самой себя. Она должна сказать себе: что считалось тобой доселе твоей сильнейшей правдой, то должно показаться тебе по ту сторону порога к сверхчувственному миру сильнейшим заблуждением.

Перед таким требованием может душа содрогнуться и отступить. То, что надлежало бы ей сделать, может она ощутить так сильно как отдачу себя, как признание ничтожности своего собственного существа, что у вышеозначенного порога она признается себе в своем бессилии удовлетворить этому требованию. Это признание может принять всевозможные формы. Оно может проявиться совершенно инстинктивно, и человеку, который думает и действует в таком духе, может показаться чем-нибудь совсем другим. Он может, например, ощутить глубокое отвращение ко всяким сверхчувственным истинам. Он может счесть их мечтаниями, фантастикой. Он поступает так только потому, что: в неведомых ему самому глубинах души питает тайный страх перед этими истинами. Он ощущает, что может жить лишь с тем, что открывают ему его внешние чувства и рассудок. Поэтому он избегает подходить к порогу сверхчувственного мира, объясняя это тем, будто то, что находится за этим порогом, несостоятельно перед лицом разума и науки. Но дело лишь в том, что он любит разум и науку, какими он знает их, потому что они связаны с его "я". Дело идет здесь в самой общечеловеческой форме себялюбия. Последнее же поможет быть взято с собой в сверхчувственным мир.

Но может случиться и так, что он остановится перед порогом не инстинктивно, а сознательно дойдет до него и потом повернет назад, потому что ощутит страх перед тем, что ему предстоит. Тогда не легко будет ему изгладить те действия, которые произошли для его обычной душевной жизни от приближения к порогу. Они будут заключаться в последствиях, которые испытанное им бессилие наложит на все его душевное бытие.

Предстоящее заключается в том, чтобы человек сделал себя способным отбросить при вступлении в сверхчувственный мир все то, что он в обыкновенной жизни ощущает как сильнейшую правду, и устроиться так, чтобы ощущать вещи и судить о них по-иному. Но ему должно быть также ясным, что, когда он будет снова в мире внешних чувств, он снова должен будет пользоваться и тем родом ощущений и суждений, которые годны для этого мира. Он должен научиться не только жить в двух мирах, но и жить в обоих мирах совершенно различно. Находясь обычно в мире внешних чувств и рассудка, он не должен наносить ущерба здравому суждению по той причине, что в другом мире он вынужден применять другой род суждений.

Трудно для человеческого существа занять такое положение. Эта способность достигается продолжительным, энергичным и терпеливым укреплением душевной жизни. Кто приобретает этот опыт у порога, тот ощущает, что для обыкновенной душевной жизни человека - благоденствие не быть доведенным до этого порога. Ощущения, возникающие в нем, таковы, что нельзя думать об этом благоденствии иначе, как о чем-то приходящем от некоего властного существа, защищающего человека от опасности пережить у порога ужасы самоуничтожения. За внешним миром, который дан обычной жизни, сокрыт иной. У порога его стоит строгий страж, действием которого является то, что человек ничего не узнает из законов сверхчувственного мира. Ибо все сомнения, всякую неуверенность относительно этого мира все же легче перенести, чем созерцание того, что надо отбросить, если хочешь в него вступить.

Человек остается защищенным от, описанных переживаний, пока сам не, подойдет к этому порогу. То, что он слышит рассказы о таких переживаниях тех, которые подошли к этому порогу или переступили его, ничего не меняет в его защищенности. Напротив, воспринятое им так может послужить ему в хорошем смысле, когда он подойдет к порогу. В этом случае, как и во многих других, дело может быть выполнено лучше, если человек мог заранее составить себе о нем представление, чем если он о нем ничего не знал. В том же, что странник в сверхчувственном мире должен приобрести в смысле самопознания, ничто не изменится от такого предварительного знания. Поэтому утверждение некоторых ясновидящих или лиц, близко знакомых с сущностью ясновидения, что об этих вещах вообще не надо говорить в кругу людей, не стоящих непосредственно перед решением проникнуть в сверхчувственный мир, не

соответствует действительности. Мы живем теперь в такое время, когда люди все более должны знакомиться с сущностью сверхчувственного мира, если они хотят душевно быть на высоте требований жизни. Распространение сверхчувственных познаний, вместе с тем и познаний о страже порога принадлежит к задачам настоящего и ближайшего будущего.

ПЯТАЯ МЕДИТАЦИЯ

Медитирующий   *пытается*   *составить*   *представление*
об "астральном теле"

Когда стихийным телом переживаешь сверхчувственный внешний мир, то бываешь менее отделен от последнего, чем при переживании в теле внешних чувств - от своей физической среды. И все же к этому сверхчувственному внешнему миру ты имеешь отношение, которое можешь выразить, говоря, что снизал с собой известные составные части стихийного мира, как некое особое стихийное тело, подобно тому как в физическом теле несешь на себе веществам силы внешнего физического мира. Что это - именно так замечаешь, когда хочешь вне своего чувственного тела ориентироваться в мире сверхчувственном. Может случиться, что перед тобой будет какое-нибудь событие или существо сверхчувственной мира. Оно может быть здесь; его можно видеть; но не знаешь, что оно такое. Если ты достаточно силен, то можешь прогнать его; но тем лишь, что энергичным воспоминанием о своем опыте в чувственном мире вновь возвратишься к последнему; но нельзя, оставаясь в сверхчувственном мире, сравнивать увиденное существо или событие с Другими. Только так можно было бы осведомиться о том, что означает виденное. Созерцание сверхчувственного мира может таким образом ограничиться тем, что воспринимаешь единичные вещи, но не можешь свободно переходить от одного к другому. Чувствуешь себя тогда прикованным к единичному.

Теперь можно искать причину этого ограничения. Найти ее возможно будет только, когда путем дальнейшего внутреннего развития, которое еще больше укрепит душевную жизнь, достигнешь того, что в каком-нибудь известном случае этого ограничения более не станет. Но тогда узнаешь, что причина, почему не мог переходить от одного виденного к другому, заложена в собственной душе. Познаешь, что созерцание сверхчувственного мира отличается от восприятия чувственного мира еще тем, что в последнем, например, при правильно работающих глазах, можно видеть все видимое. Если видишь одно, то можешь тем же глазом видеть и другое. Не так в сверхчувственном мире. Сверхчувственный орган восприятия в стихийном теле может быть развит так, что сделает возможным переживание того или иного события; но чтобы увидеть другое, надо сначала опять-таки особенно развить этот орган. Такое развитие сопровождается ощущением как бы пробуждения органа для определенной части сверхчувственного мира. Чувствуешь, что стихийное тело находится по отношению к сверхчувственному миру в состоянии как бы некоторого сна, и как если бы каждой единичной вещи еще должно было пробудить его. Можно, действительно, говорить о сне и бодрствовании в стихийном мире. Но только для этого мира сон и бодрствование не суть переменного состояния, как то бывает в жизни в пределах мира внешних чувств. Они пребывают в человеке как состояния одновременно. Пока человек не приобрел способности переживать что-либо своим стихийным телом, это тело спит. Человек всегда носит в себе это тело, но спящим. С укреплением душевной жизни начинается пробуждение, но сначала только одной части этого тела. Все больше вживаешься в этот стихийный мир, пробуждая все большие и большие области своего собственного стихийного существа.

Этому пробуждению души ничто не может помочь в самом стихийном мире. Сколько бы ты ни мог уже видеть, увиденное не способствует нисколько тому, что можно было увидеть и другое. Свободное движение в сверхчувственном мире душа не может приобрести ничем из того, что можно найти в стихийной среде. Если продолжать упражнения в укреплении души, то

приобретаешь для известных областей все в большей и большей степени эту подвижность. Благодаря всему этому замечаешь в себе нечто, что не принадлежит к стихийному миру, но что открываешь в самом себе при переживании этого мира. Застаешь себя в сверхчувственном мире отдельным существом, которое является как бы руководителем своего стихийного тела, как бы господином его, постепенно пробуждающим это тело к сверхчувственному сознанию.

Когда достигнешь этого, душу охватывает невыразимое чувство одиночества. Видишь себя в простирающемся во все стороны стихийном мире; только одного себя видишь посреди бесконечных стихийных просторов, как существо, которое не может нигде увидеть себе подобного. Этим не сказано, что всякое развитие ясновидения ведет к этому жуткому одиночеству; но кто сознательно своей собственной силой усваивает себе душевную крепость, тот прилет к этому. И кто следует учителю, дающему ему шаг за шагом указания. Чтобы продвинуться вперед в развитии, тот, быть может, не скоро, но когда-нибудь все-таки узнает, что учитель предоставил его самому себе. Он сначала почувствует, что покинут им и предоставлен одиночеству в стихийном мире. Впоследствии лишь узнает он, что учитель мудро обращался с ним, что он должен был предоставить его самому себе, когда явилась необходимость такой самостоятельности.

Как бы изгнанным в стихийный мир кажется сам себе человек на этой ступени душевного странствия. Но теперь он может идти дальше, если благодаря внутренним упражнениям у него будет достаточно душевной силы. Он может начать видеть, как возникает - не в стихийном мире, но в нем самом - новый мир, не тождественный ни чувственному, ни стихийному миру. Для этого человека второй сверхчувственный мир присоединяется к первому. Этот второй сверхчувственный мир есть прежде всего мир, совершенно внутренний. Чувствуешь, что несешь его в себе самом и что ты наедине с ним. Если сравнить это состояние с чем-нибудь из внешнего мира, то представляется следующее: некто пережил смерть всех своих любимых и близких, и только воспоминание о них хранит он в своей душе. Они продолжают жить для него только как его мысли. Так бывает во втором сверхчувственном мире. Его несешь в себе, но знаешь, что ты отделен от истинной его действительности. Но то, что живет в душе из этой действительности, само имеет совсем иную природу, чем простые представления, воспоминания в чувственном мире. Этот сверхчувственный мир живет в собственной душе своим самостоятельным бытием. Все, что там есть, стремится наружу из души, порывается к чему-то иному. Таким образом, чувствуешь в себе мир, но так, что этот мир не хочет оставаться в твоей душе. Это вызывает чувство, как если бы каждая единичная частность этого мира разрывала тебя. Можно дойти до того, что эти частности начнут сами высвобождаться, что они раздерут как бы некую душевную оболочку и покинут душу. Тогда можно почувствовать себя обедневшим в меру всего того, что вырывалось таким образом из души.

Но теперь учишься познавать, что в особом положении находится все то, что из всего сверхчувственного содержания твоей души, ты умеешь так любить, что любишь его ради него самого, а не ради того только, что оно в твоей собственной душе. То, что ты можешь любить с такой самоотверженностью, не отрывается от твоей души; оно хотя и выходит из души, но берет эту душу до некоторой степени с собой. Оно приводит ее туда, где оно живота своей действительности. Происходит своего рода соединение с действительным существом, между тем как до того носишь в душе лишь как бы некое отражение этого существа. Но любовь, которая здесь разумеется, должна быть такою, какая переживается в сверхчувственном мире. В чувственном мире можно лишь готовиться к такой любви. Но готовятся тем, что способность любви в чувственном мире делают сильной. Чем сильнее любовь, к которой ты способен в чувственном мире, тем больше остается у души от этой способности любви для мира сверхчувственного. Это относится к единичным частностям сверхчувственного мира таким образом, что невозможно, например, достичь тех истинных сверхчувственных существ, которые находятся в связи с растениями чувственного мира, если не любишь растений в чувственном

мире. Но относительно этих вещей легко обмануться. Может случиться, что в чувственном мире человек проходит мимо растений без всякой любви: но, несмотря на это, в его душе может таиться несознаваемая им склонность к этому миру растений. И эта любовь может проснуться в нем, когда он вступит в мир сверхчувственный.

Это соединение с существами сверхчувственного мира может зависеть как от любви, так и от других качеств души, например, от уважения или благоговения, которые может испытывать душа в сверхчувственном мире к какому-нибудь существу, когда она еще только чувствует возникновение в себе отражения этого существа.

Но качества эти будут всегда такие, которые надо отнести к внутренним душевным качествам. Так произойдет познание тех существ сверхчувственного мира, к которым душа благодаря этим качествам сама откроет себе доступ. Верный путь к распознаванию в сверхчувственном мире открывается тем, что своими отношениями к отражениям существ открываешь себе доступ к ним. В мире чувственном любишь существо, когда его узнаешь; во втором сверхчувственном мире перед встречей с действительностью можно любить отражение, потому что это отражение является прежде этой встречи. То, что душа познает в себе таким образом, не есть стихийное тело. Ибо оно относится к последнему, как его пробудитель. Это есть существо, которое находится в душе и которое переживаешь так, как пережил бы себя, если бы во сне не пребывал без сознания, но ощущал бы себя сознательно вне своего физического тела и при пробуждении воспринимал бы себя как пробудителя. Так научается душа познавать находящееся в ней существо, которое является третьим помимо физического и стихийного тела. Это существо пусть будет названо астральным телом, и этим словом пусть будет здесь пока означено то, что таким образом изживается в душевном бытии.

ШЕСТАЯ МЕДИТАЦИЯ

Медитирующий   пытается   составить   представление
о "теле я" или "теле мысли"

Чувство, что находишься вне своего чувственного тела, испытываешь с большей силой при переживании в астральном теле, нежели при переживании в теле стихийном. В последнем случае чувствуешь себя вне той области, в которой находится чувственное тело: но все же при этом ощущаешь и его. В астральном же теле ощущаешь само чувственное тело как нечто внешнее. При переходе в стихийное тело ощущает как бы некое расширение своего собственного существа, при вживании же в астральное тело, напротив, своего рода скачок в другое существо. И чувствуешь, как на это существо действует некий духовный мир других существ. Ощущаешь ту или иную связь свою или даже родство с этими существами. И постепенно познаешь, как сами эти существа относятся друг к другу. Для человеческого сознания мир расширяется в сторону духа. Человек созерцает духовные существа, поводом деятельности которых бывает, например, то, что характер следующих друг за другом эпох развития человечества определяется, действительно, существами. Это духи времени или Начала. Знакомишься с другими существами, душевное бытие которых протекает в том, что их мысли являются в то же время действенными силами природы. Приходишь к признанию, что только для чувственного восприятия силы природы являются тем, за что именно принимает их это чувственное восприятие. Что повсюду, где действует какая-нибудь сила природы, в действительности изживается мысль какого-нибудь существа, подобно тому как в движении руки изживается человеческая душа. Все это происходит вовсе не так, чтобы на основании какой-либо теории человек придумывал для явлений природы какие-нибудь стоящие позади них существа: переживающий себя в астральном теле вступает с этими существами в такое свободное от понятий и конкретное отношение, с каким в чувственном мире человек подходит к другим индивидуальным людям. В области тех существ, к которым таким образом приходишь,

можно различить ряд степеней и говорить о мире высших иерархий. Тех существ, мысли которых открываются чувственному восприятию как силы природы, можно назвать духами формы.

Переживание в этом мире обуславливает то, что свое существо внутри чувственного мира воспринимаешь как нечто внешнее в той же мере, в какой для нашего зрения в чувственной жизни внешним существом является растение. Этот род пребывания вне того, что в обыденной жизни человек должен ощущать как весь объем своего собственного существа будет восприниматься как нечто в высшей степени болезненное до тех пор, пока не присоединится еще некоторое иное переживание. При энергичной внутренней душевной работе, которая ведет к настоящему сгущению и укреплению душевной жизни, нет необходимости, чтобы эта боль проявилась в особенно сильной степени. Ибо может происходить медленное вступление в это иное переживание одновременно с вживанием в астральное тело.

Это иное переживание состоит в том, что все бывшее у тебя раньше в душе и на душе ты можешь ощущать как своего рода воспоминание и что таким образом ты относишься к своему "я", каким оно было раньше, как относятся в чувственном мире к воспоминаниям. Только посредством таком переживания завоевываешь полное сознание, что поистине сам своим собственным существом живешь в совсем ином мире, нежели мир чувственный. Отныне обладаешь знанием о том, что бывшее доселе "я" ты несешь в себе как нечто иное, чем что ты есть в действительности. Теперь можешь противопоставить себя самому себе. И приобретаешь представление о том, что стоит теперь перед твоей собственной душой и о чем она раньше говорила: это я сама. Теперь она не говорит больше: это я сама, но: это несу я как нечто при себе. Как в обыденной жизни "я" чувствует себя чем-то самостоятельным по отношению к своим воспоминаниям, так чувствует себя приобретенное отныне "я" самостоятельным по отношению к прежнему "я". Оно чувствует себя принадлежащим к миру чисто духовных существ. И таким образом узнаешь, как показывает этот опыт, - опять-таки опыт, а не теория, - чем было в сущности то, на что до сих пор ты смотрел как на свое "существо я". Оно является сотканным из представлений воспоминаний, созданных телами чувственным, стихийным и астральным, как зеркалам создается отражение. Как человек не отождествляет себя со своим отражением в зеркале, так не отождествляет себя и душа, изживающая себя в духовном мире, с тем, что переживает она, как себя, в мире чувственном. Сравнение с зеркальным отражением может быть принято только, конечно, как сравнение. Потому что отражение исчезает, когда человек соответственно меняет свое положение по отношению к зеркалу. Ткань же, которая как бы соткана из представлений, воспоминаний и являет собою то, что человек считает своим существом в чувственном мире, имеет большую самостоятельность, нежели отражение. Она имеет в своем роде собственное существо. И все же по отношению к истинному бытию души она лишь как бы образ собственного существа. Истинное бытие души чувствует, что нуждается в этом образе для своего самооткровения. Оно знает, что само оно есть нечто иное, но что оно никогда не могло бы ничего действительно узнать о себе, если бы сначала не постигло себя как свое собственное отражение в том мире, который после его восхождения в духовный мир стал для него миром внешним.

Ткань представлений воспоминаний, которую рассматриваешь отныне как свое прежнее "я", можно назвать "телом я" или "телом мысли". Слово "тело" в этой связи должно понимать в более широком смысле по сравнению с тем, что принято обычно называть "телом". "Тело" означает здесь именно все то, что переживаешь при себе и о чем не говоришь, что это ты, а только, что имеешь это при себе.

И лишь когда ясновидящее сознание достигло того, что может все то, что оно до сих пор обозначало как само себя, пережить как совокупность представлений воспоминаний, может оно приобрести в истинном смысле и некоторый опыт о том, что сокрыто за явлением смерти. Ибо

оно достигло теперь существа поистине действительного мира, в котором оно чувствует само себя существом, могущим закреплять как бы в некоей памяти то, что переживает в чувственном бытии. Чтобы иметь возможность продолжать изживать свое бытие, это пережитое в чувственном бытии нуждается в существе, которое могло бы закреплять его так же, как в чувственном бытии закрепляют обычно - "я" представления воспоминаний. Сверхчувственное познание обнаруживает, что человек имеет бытие в мире духовных существ, и что это он сам хранит в себе свое чувственное бытие как воспоминание. На вопрос: что станет после смерти со всем тем, что я есть теперь, ясновидческое исследование отвечает так: ты будешь тем, что ты сохранишь от себя самого в силу твоего бытия как духовного существа среди других духовных существ.

Человек познает природу этих существ, и внутри ее - свою собственную. И это познание есть непосредственное переживание. Посредством его узнаешь, что духовные существа, а с ними и собственная душа имеют бытие, для которого бытие чувственное есть преходящее откровение. Если для обыкновенного сознания оказывается - в смысле первой медитации, - что тело принадлежит к такому миру, истинное участие которого в теле обнаруживается в его разложении по смерти, то ясновидческое наблюдение показывает, что существо человеческого "я" принадлежит к миру, с которым оно связано совсем иными узами, нежели какими связано тело с законами природы. Узы, которыми "существо я" связано с духовными существами сверхчувственного мира, остаются в сокровеннейшей сущности своей нетронутыми рождением и смертью. В чувственной жизни тела эти узы обнаруживаются лишь особым образом. То, что проявляется в этой жизни, есть выражение для соотношений сверхчувственного порядка. Но поскольку человек как таковой существо сверхчувственное, - каким он и является для сверхчувственного наблюдения, - то и в сверхчувственном связь человеческой души с другой душой не терпит ущерба от смерти. И на боязливый вопрос, встающий перед обычным сознанием души в первобытной форме: увижу ли я после смерти тех, кого я знал в чувственной жизни как связанных со мной? - действительное исследование, уполномоченное на основании опыта судить в этой области, должно ответить решительным "Да".

Все, что было здесь сказано о переживании существа души как духовной действительности в мире других духовных существ, может стать зримым благодаря тому укреплению душевной жизни, о котором уже не раз упоминалось. Но этому переживанию можно также прийти на помощь, развивая в себе некоторые особые ощущения. В обычной жизни в чувственном мире человек относится к тому, что воспринимает как свою судьбу, так, что ощущает одно как симпатичное, другое как антипатичное. Если оглянуться на себя совершенно непредвзято, то надо будет признаться, что эти симпатии и антипатии принадлежат к сильнейшим из тех, какие человек может испытывать. Простое размышление вроде того, что ведь все в жизни необходимо и что надо переносить свою судьбу, уже может очень способствовать спокойному жизненному настроению. Но чтобы достичь чего-нибудь в понимании истинного существа человека, необходимо еще большее. Означенное размышление окажет наилучшую услугу душевной жизни; но часто можно заметить, что все вычеркнутое таким путем в смысле симпатий и антипатий исчезло лишь для непосредственного сознания. Оно сокрылось в более глубокие недра человеческого существа и изживается как душевное настроение или же как чувство утомления, или какое-нибудь другое телесное ощущение. Истинное душевное равновесие по отношению к судьбе достигается лишь тем, что поступаешь в этой области совершение так же, как когда повторно и усиленно отдаешься мыслями или ощущениями для укрепления души вообще. Недостаточно размышления, приводящего лишь к рассудочному пониманию; необходимо усиленное сживание с таким размышлением, долговременное хранение его в душе и вместе с тем удаление чувственных переживаний и прочих жизненных воспоминаний. Благодаря такому упражнению приходишь к некоторому основному душевному настроению по отношению к своей жизненной судьбе. Можно основным образом изгнать из себя антипатии и симпатии в этой области и под конец смотреть на приближение всех случающихся с человеком

событий так, как совершенно посторонний наблюдатель смотрит на струю воды, падающую со скалы и разбивающуюся внизу. Этим не сказано, что должно таким образом достичь бесчувственного отношения к своей судьбе. Кто приходит к тому, что смотрит равнодушно на все, что с ним случается, тот уже, конечно, не на плодотворном пути. Ведь не бывает же человек безучастен ко внешнему миру относительно всего, что не затрагивает его собственной души как судьба. Он смотрит на то, что происходит на его глазах, с радостью или с отвращением. Не безучастности к жизни должен искать тот, кто стремится к сверхчувственному познанию, но преобразования того участия, которое первоначально принимает его "я" во всем, что касается его как судьба. Вполне возможно, что благодаря этому преобразению яркость жизни чувств даже усилится, а не ослабеет. В обыкновенной жизни навертываются слезы по поводу многого, касающегося собственной души, судьбы. Но можно достичь такой точки зрения, что при собственной своей неудаче будешь испытывать такое же живое чувство, какое испытываешь и при неудаче, постигшей другого. Человеку легче бывает достичь такого рода переживания по отношению к случаям, постигающим его в его жизни, нежели, например, по отношению к своим способностям. Ибо уже не так легко достижима одинаковая радость от мысли, что другой обладает какой-нибудь способностью, как и ты обладаешь ею сам. Когда обращенная на самого себя мысль пытается проникнуть в глубочайшие недра души, то, много может быть открыто там эгоистической радости по поводу того, на что ты способен сам. Усиленное, повторное (медитативное) оживление с мыслью, что для хода человеческой жизни во многих отношениях безразлично, самому ли тебе принадлежит известная способность или кому-нибудь другому, может повести далеко в деле приобретения истинного спокойствия по отношению к тому, что ощущается как сама внутренняя жизненная судьба. Такое внутреннее, мысленно-сильное укрепление душевной жизни, если только оно происходит правильно, никогда не может повести к тому, что просто притупишь чувство по отношению к своим способностям: напротив, оно преобразит его. Ощутишь необходимость поступать сообразно этим способностям.

И этим уже указано направление, которое принимает такое мысленно-сильное укрепление душевной жизни. Научаешься познавать в себе нечто, что является душе в ее собственных глубинах как некое второе существо. Это открывается особенно ясно, когда связываешь с этим мысли, которые показывают, как человек в обычной жизни вызывает то или иное в судьбе. Ведь можно видеть, что то или иное не случилось бы с тобой, если бы сам ты в прежнее время не поступал известным образом. То, что случается с человеком сегодня, является часто следствием того, что он сделал вчера. Чтобы подвинуть свое душевное переживание дальше, чем оно находится в данное мгновение, можно оглянуться назад на то, что переживалось доселе. При этом можно отыскать все то, что покажет нам, как мы приготовили сами все позднейшие события нашей судьбы. В таком обратном взгляде на жизнь можно попытаться дойти до того момента, когда в ребенке пробуждается сознание настолько, что он вспоминает в позднейшей жизни то, что он пережил раньше. Если устремить подобный обратный взгляд, связав с ним то душевное настроение, которое исключает все обычные, эгоистические симпатии и антипатии по отношению к событиям судьбы, то, достигнув в воспоминании указанного периода в жизни ребенка, займешь такую позицию по отношению к себе, что скажешь: вот когда, вероятно, впервые наступила для тебя возможность почувствовать себя в себе и сознательно работать над своей душевной жизнью; но это твое "я" существовало и раньше, оно работало в тебе, хотя и без твоего ведома, и даже это оно впервые привело тебя к твоей способности знания, как и ко всему прочему, о чем ты знаешь. Чего нельзя уразуметь никаким рассудочным размышлением, достигается вышеописанным отношением к собственной жизненной судьбе. Научаешься смотреть на события судьбы с душевным спокойствием; видишь без смущения, как они приближаются к тебе; но усматриваешь себя самого в том существе, которое вызывает эти события. И когда себя видишь таким образом, то условия собственной судьбы, которые даны уже с рождения, представляются душе связанными с твоим "самим собою". Путем борьбы достигаешь того, что говоришь: как ты работал над собой в то время, когда сознание твое уже пробудилось, так же работал ты над собой и тогда, когда твое теперешнее сознание еще не

пробуждалось. Такая проработка себя до "существа я" высшего порядка в обычном "я" не только приводит к тому, что можешь себе сказать: я приведен моей мыслью к теоретическому измышлению этого "я" высшего порядка, - но она приводит к тому, что чувствуешь в себе: живое действие этого "я" в его действительности как некую силу, а обычное "я" ощущаешь в себе как создание этого иного. Это чувство - истинное начало зренья духовного существа души. И когда оно ни к чему не ведет, то это зависит лишь от того, что началом этим и ограничиваются. Это начало может быть едва заметным, смутным ощущением. Быть может, оно долго будет таким. Но если упорно и с силой продолжать делать то, что привело к этому началу, то доведешь это в конце концов до глаз души как некоего духовного существа. И достигший такого зренья находит вполне понятным, когда кто-нибудь, не имеющий в этой области никакого опыта, говорит, будто тот, кто думает, что видит таковое, довел себя только путем душевных ухищрений до воображения - самовнушения - этого высшего "я". Но вооруженный таким зрением знает, что такое возражение может проистекать только от этого недостатка в опыте. Ибо кто строго проходит описанное, тот приобретает вместе с тем способность отличать свои воображения от реальностей. Внутренние переживания и деятельность, необходимые в подобном странствии души, если оно правильно, приводят к применению строжайшей осторожности по отношению к себе в том, что касается воображения и действительности. Если стремиться целесообразно к переживанию себя в высшем "я", как некоего духовного существа, то главное переживание увидишь в том, что было охарактеризовано в начале этой медитации, а то, что было приведено на втором месте, признаешь за помощь в этом странствии души.

СЕДЬМАЯ МЕДИТАЦИЯ

*Медитирующий   пытается   составить   представление
о характере переживания в сверхчувственных мирах*

Переживания, оказавшиеся необходимыми для души, если она хочет проникнуть в сверхчувственные миры, иному могут показаться отпугивающими. Такой человек может сказать себе, что он не знает, какие будут для него последствия, если он решится отдаться ходу этих событий, и как он перенесет их. Под влиянием такого ощущения легко возникает мысль, что лучше не вмешиваться искусственно в ход развития души, а спокойно отдаться пребывающему за пределами сознания водительство и выждать, куда оно приведет в течение будущего времени внутреннюю сущность человека. Но подобную мысль всегда должен будет отстранять от себя тот, кто в состоянии действительно оживить в себе иную мысль: а именно, что это заложено природой в человеческом существе самому продвигаться вперед, и что не заботиться о силах, ожидающих в душе своего раскрытия, значило бы заглушать их в противность долгу. Силы саморазвития заложены в каждой человеческой душе; и не может быть среди них ни одной, которая не захотела бы услышать голос, призывающий к раскрытию этих сил, если ей возможно каким-либо образом что-нибудь узнать о нем и об его значении.

Никто также не будет удерживать себя от восхождения в высшие миры, если он с самого же начала не поставит себя в неверное отношение к тем событиям, которые ему надо пройти. Эти события таковы, какими они предстали нам в предыдущих медитациях. И если их выражать словами, которые могут быть заимствованы только из обычной человеческой жизни, но только таким образом могут они быть выражены правильно. Ибо переживания сверхчувственного пути познания становятся к человеческой душе в такое отношение, что они совершенно подобны тому, что может значить для человеческой души, например, очень повышенное чувство одиночества, чувство, будто паришь над бездонным, или тому подобное. В переживании таких ощущений рождаются силы для пути познания. Они - зачатки плодов сверхчувственного познания. Все эти переживания заключают в себе до известной степени нечто, глубоко сокрытое в них. Когда они затем переживаются, то это сокрытое доводится до полнейшего напряжения:

нечто разрывает чувство одиночества, которое является как бы оболочкой этого "нечетом и выступает в душевной жизни как средство познания.

Но нужно принять во внимание, что если вступил на верный путь, то за каждым таким переживанием сейчас же является другое. Это происходит так, что когда одно бывает налицо, другое не может не прийти. И к тому, что надо перенести, сейчас же присоединяется и сила, чтобы действительно перенести это событие, если только спокойно сосредоточиться на этой силе и дать себе время заметить также и то, что хочется раскрыть в душе. Если представится что-нибудь мучительное, в то же время в душе будет жить уверенное чувство, что есть силы, которые дадут перенести муку и с которыми можно вступить в союз, то приходишь к тому, что переживаниям, которые были бы при сем пережитом, ты был бы сам своим собственным зрителем. Это и делает то, что люди, находящиеся на пути к сверхчувственному познанию, переживают внутри себя прилив и отлив различных чувств и однако являют в жизни внешних чувств полную ровность духа. Но всегда есть полная возможность для переживаний, которые происходят внутри, сообщиться также и настроению внешней жизни в мире внешних чувств, так что тогда временно не можешь больше справиться с жизнью и с собой, как мог справляться раньше в той жизни, которая была до пути познания. Тогда приходится из того, что уже достигнуто внутри, черпать силы, которые помогают снова выправиться. И на правильно проходимом пути познания не может быть такого положения, в котором бы это было невозможно.

Лучшим путем к познанию будет всегда тот, который ведет к сверхчувственному миру через укрепление и сгущение душевной жизни посредством сильного мыслью или ощущением внутреннего погружения. При этом дело не в том, чтобы так пережить мысль или ощущение, как это делается с целью правильно разобраться в мире внешних чувств, но в том, чтобы интенсивно жить с мыслью или ощущением и в мысли или ощущении и в них собрать все свои душевные силы. На время внутреннего погружения только они одни должны заполнять сознание. Пусть человек подумает, например, о мысли, доставившей душе какое-нибудь убеждение; сначала надо оставить без внимания ценность самого убеждения, но продолжать жить с этой мыслью, так чтобы стать совершенно одно с ней. Не нужно непременно такой мысли, которая относилась бы к вещам высшего миропорядка, хотя такая мысль особенно пригодна. Для внутреннего погружения можно взять также и мысль, отражающую обыкновенное переживание. Плодотворны ощущения, могущие, например, быть побудителями к делам любви и которые зажигаешь в себе, поднимая их до самого человечно горячего и искреннего переживания. Но если речь идет прежде всего о познании, то действительны символические представления, которые почерпнуты из жизни или которым человек отдается по совету людей, обладающих в этой области некоторым знанием дела и знакомых с плодотворностью примененного средства по тому, что они сами получили от него.

Путем такого погружения, которое должно стать жизненной привычкой, даже жизненным условием, подобно тому как дыхание является условием телесной жизни, ты соберешь воедино все душевные силы и, собирая, укрепишь их. Необходимо только, чтобы удалось во время внутреннего погружения вполне достичь такого состояния, чтобы никакие впечатления внешних чувств, а также никакие воспоминания о них не вмешивались в душевную жизнь. Также и воспоминания обо всем, что узнал в обыденной жизни, что причиняет душе радость или боль, должны молчать так, чтобы душа была всецело предана тому, относительно чего она сама хочет, чтобы оно было в ней. Силы к сверхчувственному познанию вырастают настоящим образом только из того, что удастся таким образом достичь путем внутреннего погружения, содержание и форму которого ты вызвал применением собственной душевной силы. Дело не в том, откуда взято содержание погружения; его можно получить от какого-нибудь осведомленного в этой области лица или же из литературы духовной науки; надо только, чтобы ты сделал ее сам своим внутренним переживанием, а не руководствовался при погружении

только тем, что возникает из собственной души, что считаешь сам наилучшим содержанием погружения. Такое содержание потому обладает меньшей силой, что душа заранее чувствует себя сродни ему и, таким образом, не может сделать необходимых усилий, чтобы стать одно с ним. Но в этом усилии и заключается действенность - для познавательных сил, а не в единстве с содержанием погружения как такового.

Можно также и иначе достичь сверхчувственного зрения. Некоторые люди, благодаря всей предрасположенности своей к внутреннему углублению, могут достигать пламенных переживаний. Через это могут освобождаться в их душе силы сверхчувственного познания. Такие силы могут нередко как бы внезапно сказываться в душах, казалось бы, отнюдь не предназначенных к такого рода переживаниям. Самым различным образом может проявиться сверхчувственная жизнь души; но к такому переживанию, которое владеет душой, как владеет собой человека своей обычной жизни внешних чувств, можно прийти, только вступив на описанный путь познания. Всякий другой прорыв сверхчувственного мира в Переживаниях души приведет к тому, что Переживания будут как бы насильственно проявляться, и человек будет теряться в них или предаваться всевозможным заблуждениям относительно их ценности или их истинного значения в действительном сверхчувственном мире.

Необходимо всегда иметь в виду, что душа изменяется на пути сверхчувственного познания. Может случиться, что ты вовсе не предрасположен предаваться всевозможным заблуждениям и иллюзиям жизни мира внешних чувств; но, едва вступив в сверхчувственный мир, ты легковернейшим образом отдаешься подобным заблуждениям и иллюзиям. И может также случиться, что в бытии внешних чувств обладаешь хорошим, здоровым чувством правды, которое говорит тебе: ты не должен верить тому, что только удовлетворяет твоему самоутверждению; и несмотря на это, такая душа может прийти к тому, что будет видеть в сверхчувственном мире лишь вещи, отвечающие этому самоутверждению. Надо подумать, в какой мере это самоутверждение участвует во всем, что видишь. Видишь то, к чему оно обращается сообразно своей склонности. Не знаешь, что это оно направляет духовный взор. И само собою разумеется тогда, что увиденное принимаешь за правду. Защиту может предоставить только то, что посредством упорного обращения мысли на себя, посредством энергичной воли к самопознанию все больше будешь приобретать на пути к сверхчувственному познанию готовность действительно замечать в своей душе, сколько в ней самоутверждения и когда оно говорит. И когда во внутреннем погружении беспощадно и энергично представляешь себе возможность для собственной души здесь или там подпадать этому самоутверждению, то начинаешь постепенно освобождаться от его водительства.

Для истинного беспрепятственного движения души в высших мирах необходимо, чтобы она усвоила себе воззрение, насколько различны отношения некоторых душевных свойств к духовному миру и к миру чувственному. Это выступает особенно ясно, когда обращаешь взор на нравственные свойства души. В бытии чувственном надо различать законы природы и законы нравственные. Если хочешь объяснить ход природных явлений, нельзя ссылаться на нравственные представления. Какое-нибудь ядовитое растение объясняют по законам природы и не осуждают нравственно за то, что оно ядовито. Легко уяснить себе, что в применении к миру животных можно говорить разве только об отзвуках нравственного, но что в истинном смысле нравственная оценка внесла бы только замешательство в то, что поистине подлежит здесь рассмотрению. Только во взаимоотношениях человеческой жизни начинает приобретать значение нравственное суждение о ценности бытия. Это суждение есть нечто, в зависимость от чего человек сам постоянно ставит свое достоинство, когда он достигает того, что судит о себе самом беспристрастно. Но никому, при правильном рассмотрении чувственного бытия, не может прийти в голову смотреть на законы природы как на нечто, подобное законам нравственным или хотя бы только похожее на них.

Как только вступаешь в высшие миры, это становится иным. Чем духовнее миры, в которые вступаешь, тем больше совпадают законы нравственные с тем, что можно назвать для тех миров законами природы. В чувственном бытии, когда говоришь о каком-нибудь злом деле, что оно горит в душе, то сознаешь, что говоришь не в прямом для этого бытия смысле. Знаешь, что естественное горение есть нечто совсем другое. Подобного различия не существует для миров сверхчувственных. Ненависть или зависть являются там в то же время силами, действующими так, что соответственные действия можно назвать природными явлениями тех миров. Ненависть и зависть производят то, что ненавистное или внушающее зависть существо действует на ненавистника или завистника как бы пожирающим, погашающим образом, так что возникают процессы уничтожения, наносящие ущерб духовному существу. Любовь действует в духовных мирах так, что действие ее постигаешь как излучение тепла, плодотворное и благоприятное. Можно заметить это уже на человеческом стихийном теле. В мире внешних чувств рука, совершающая безнравственное дело, должна быть объяснена по законам природы совершенно так же, как и та, что служит нравственной деятельности. Но некоторые стихийные части человека остаются неразвитыми, если отсутствуют соответствующие им нравственные ощущения. И несовершенные образования стихийных органов должны быть объяснены из нравственных свойств совершенно так же, как по законам природы в чувственном бытии природные процессы объясняются из законов природы. Но никогда нельзя заключать на основании несовершенного развития чувственного органа о несовершенном раскрытии соответствующей части в стихийном теле. Надо всегда сознавать, что для различных миров существуют и совсем различные виды закономерности. Человек может обладать несовершенно развитым физическим органом; соответствующий стихийный орган может быть при этом не только нормально-совершенным, но даже совершенным в той мере, в какой несовершенен физический.

Знаменательно выступает также различие сверхчувственных миров от чувственного во всем, что связано с представлением "прекрасного" и "безобразного". То, как применяются эти понятия в чувственном бытии, теряет всякое значение, как только вступаешь в миры сверхчувственные. "Прекрасным", если иметь в виду значение этого слова в чувственном бытии, может быть там названо только такое существо, которому удастся раскрыть другим существам своего мира все, что оно в себе переживает, так, чтобы эти другие существа могли участвовать во всем его переживании. Способность открываться всецело, со всем, что внутри, и не иметь нужды что-либо утаивать в себе, вот что могло бы быть названо в высших мирах "прекрасным". И это понятие там всецело совпадает с полнейшей откровенностью, с честным, открытым изживанием того, что данное существо содержит в себе. "Безобразным" могло бы быть названо то, что не хочет раскрыть во внешнем явлении внутреннего содержания, которым оно обладает, что задерживает в себе свое переживание и в отношении некоторых свойств скрывается от других. Такое существо устраняет себя из своей духовной среды. Это понятие совпадает с неправдивым откровением себя. Лгать и быть безобразным в духовном мире как действительность - одно и то же, так что существо, являющееся безобразным, есть и лживое существо.

Также и то, что в чувственном бытии познаешь как желания, в духовном мире является в совсем ином значении. В духовном мире нет таких желаний, которые возникают в мире внешних чувств из внутренней природы человеческой души.

То, что можно там назвать желанием, загорается от того, что видишь вне своего существа. Существо, принужденное ощущать, что у него нет какого-нибудь свойства, которым по природе своей оно должно было бы обладать, видит другое существо, у которого это свойство есть. И ему совершенно невозможно не иметь этого существа постоянно перед собой. Как в мире внешних чувств глаз естественно видит видимое, так отсутствие какого-нибудь свойства неизменно приводит существо сверхчувственного мира в близость с соответствующим иным

существом, обладателем этого совершенства. И созерцание этого существа становится постоянным укором, действующим как подлинная сила, так что существо, обладающее данным недостатком, через такое созерцание получает желание исправить в себе этот недостаток. Это переживание совсем иного рода, нежели желание в чувственном бытии. Свободная воля в духовном мире не терпит от подобных обстоятельств ущерба. Существо может сопротивляться тому, что хочет вызвать в нем такое созерцание. Тогда оно постепенно достигнет того, что уйдет прочь от близости с таким существом-прообразом. Но следствием этого будет то, что такое существо, отстраняющее от себя свой прообраз, само перенесется в миры, где оно будет иметь худшие условия бытия, нежели те, что были даны ему в том мире, для которого оно было до известной степени предопределено.

Все это показывает человеческой душе, что со вступлением в сверхчувственные миры, мир человеческих представлений должен быть преобразован. Понятия должны быть изменены, расширены и сплавлены с иными, если хочешь верно описать сверхчувственный мир. Отсюда следует, что описания сверхчувственных миров, пользующиеся без всяких дальнейших изменений понятиями, созданными для чувственного бытия, всегда содержат в себе нечто несостоятельное. Можно признать, что когда в чувственном бытии употребляют более или менее символически или же как - действительные обозначения предметов, такие понятия, которые получают свое полное значение только в применении к сверхчувственным мирам, то это проистекает из верного человеческого чувства. Так, кто-нибудь может чувствовать лживое действительно как безобразное. Но по сравнению с тем, что представляет собою это понятие в сверхчувственном мире, такое употребление слова в чувственном бытии будет только отзвуком, который возникает оттого, что все миры находятся в связи друг с другом, и эта связь смутно чувствуется и бессознательно мыслится в чувственном бытии. Но надо принять во внимание, что в чувственном бытии то лживое, которое ощущается как безобразное, не будет непременно безобразным во внешнем своем явлении; что это значило бы даже перепутать все представления, если бы безобразное в чувственной природе захотели объяснять из лживого. Но в сверхчувственном мире лживое, если видишь его правильно, обнаруживается неизменно как безобразное. И здесь мы снова имеем дело с заблуждениями, которых надо остерегаться. В сверхчувственном мире может встретиться душе существо, которое по справедливости может быть названо злым, и открывающееся однако в таком образе, который должно назвать "прекрасным", если применить, представление "прекрасного", почерпнутое из чувственного бытия. В таком случае только тогда увидишь верно, когда проникнешь до сокровенной глубины этого существа. Тогда переживешь, что "прекрасное" откровение - маска, не отвечающая существу, и тогда то, что по представлениям чувственного бытия готов был ощутить как "прекрасное", с особенной силой назовешь "безобразным". И в то мгновение, как это удастся, "злое" существо не будет уже больше в состоянии прикидываться "красотой". Для такого созерцателя оно принуждено разоблачиться и явиться в истинном своем облике, который может быть только несовершенным выражением того, что оно есть внутри. На таких явлениях сверхчувственного мира видишь особенно наглядным, как должны измениться человеческие представления при вступлении в этот мир.

ВОСЬМАЯ МЕДИТАЦИЯ

*Медитирующий   пытается   составить   представление
о созерцании повторных земных жизней человека*

Говорить об опасностях душевного странствия в сверхчувственные миры в сущности нет оснований, если это странствие будет правильным. Такое странствие не достигло бы своей цели, если бы среди его правил душевного поведения заключалось что-нибудь, что может повлечь за собою опасности для человека. Напротив, цель их всегда в том, чтобы сделать душу крепкой, собрать воедино ее силы, чтобы человек стал способным переносить душевные переживания,

через которые он должен пройти, если хочет видеть и постигать миры иные, нежели чувственное бытие.

Существенное различие между миром внешних чувств и миром сверхчувственным вытекает также еще и из того, что созерцание, восприятие и понимание в сверхчувственных мирах находятся между собой в ином отношении, нежели в чувственном бытии. Слыша о какой-нибудь части чувственного мира, человек с некоторым правом будет иметь чувство, что полного постижения он достигнет только через зрение и восприятие. Мы только тогда считаем, что поняли ландшафт или картину, когда мы их видели. Сверхчувственные же миры можно совершенно понять, воспринимая посредством непредвзятой способности суждения точное, отвечающее действительности описание. Для понимания и переживания всех содействующих жизни и утоляющих жизнь сил духовных миров достаточно одних описаний, даваемых теми, кто может видеть. Приобрести действительные познания о таких мирах могут лишь те, кто в состоянии наблюдать вне тела внешних чувств. Описание духовного мира в конце концов всегда должно исходить от наблюдателей такового. Но те познания этих миров, которые необходимы для жизни души, достигаются пониманием. И вполне возможно, не имея собственного зрительного доступа в сверхчувственные миры, тем не менее в совершенстве понимать их и их особенности; понимать их так, как при известных условиях постоянно и с полным правом будет и должна того требовать душа.

Потому и является также возможным, чтобы человек черпал средства для своего внутреннего погружения из сокровищницы тех представлений, которые он усвоил о духовных мирах. Такой материал - наилучший для погружения. Это тот, который вернее всего ведет к цели. Убеждение, близкое, к утверждению, будто для усвоения сверхчувственного созерцания служит препятствием, когда раньше этого усвоения приобретаются познания этих миров через понимание, не отвечает действительности. Гораздо вернее обратное, а именно, что с предварительным пониманием вернее и легче приходишь к созерцанию, чем без него. Останавливается ли кто-нибудь на понимании или стремится к созерцанию, это зависит от того, возникла ли у него или нет потребность в собственном наблюдении. Если она возникла, то он не может поступить иначе, как искать случая действительно начать странствие в сверхчувственные миры. Понимания же этих миров, начиная с наших времен, будет требовать все большее и большее число людей, ибо истинное наблюдение над жизнью показывает, что с настоящего времени человеческие души вступают в такое состояние, что без понимания сверхчувственных миров не могут выработать необходимое отношение к жизни.

Когда человек в душевном странствии достиг того, что все, называемое им в чувственном бытии "собой", своим существом, он несет в себе как воспоминание и переживает себя в отныне приобретенном "я" высшего порядка, он становится способным достичь также и созерцания хода жизни за пределами чувственного земного бытия. Духовному зрению его является факт, что этому чувственному бытию предшествовало иное бытие его самого в духовном мире. И что в этом духовном бытии лежат истинные причины всего построения чувственного бытия. Он узнает тот факт, что до этой жизни внешних чувств, в которую он вступил, когда получил чувственное тело, он уже жил чисто духовно. Каков человек теперь, с теми или иными способностями, теми или иными побуждениями, он видит это подготовленным в бытии, которое прожил он раньше в чисто духовном мире. Человек видит себя как некое предшествующее своему вступлению в мир внешних чувств, живущее духовно существо, устремившееся жить как существо чувственное с теми способностями к особенностям души, которых он является носителем "которые развил в себе с рождения. Тот находился бы в заблуждении, кто вздумал бы сказать так: как мог бы я домогаться в духовном бытии таких способностей и побуждений, которые теперь, когда я их имею, вовсе мне не нравятся. Дело совсем не в том, нравится ли душе что-нибудь в чувственном бытии или нет. В духовном бытии для ее стремлений у нее совсем иные точки зрения, чем потом в бытии чувственном. Род знания и волеизъявления

совсем различен в обоих мирах. В духовном бытии знаешь, что для твоего общего развития нужна жизнь внешних чувств, которая потом в чувственном бытии протечет, быть может, несимпатично или тягостно для души; и все же домогаешься ее; либо в духовном бытии смотришь не на симпатичное и приятное, а на то, что необходимо для правильного раскрытия самобытия.

То же бывает по отношению к жизненным судьбам. Видишь их и созерцаешь, как сам подготовил себе в духовном бытии симпатичное, а также и несимпатичное, как сам привлек средства, обуславливающие те или иные счастливые, а также и мучительные переживания в чувственном бытии. И здесь, пока человек изживает себя только в чувственном бытии, он может находить непонятным, что вызвал сам то или иное жизненное положение; но в бытии духовном у него была то, что можно назвать сверхчувственным постижением, приводившим его к такому признанию: ты должен пройти через мучительное и несимпатичное, ибо только такое переживание подвинет тебя на ступень выше в общем твоем развитии. Из одного рассуждения, опирающегося на чувственное бытие, никогда нельзя узнать, насколько земная жизнь подвигает человека вперед в его общем развитии.

После познания духовного бытия, предшествовавшего бытию земному, раскрывается видение оснований, почему в духовном бытии человек стремился к известному роду и известной судьбе чувственного бытия. Эти основания приводят к прежней земной жизни, которую он пережил в прошлом. Смотри по тому, как протекла эта жизнь, смотри по тому, какой был приобретен там опыт или какие усвоены способности, человек стремился в последовавшем за ней духовном бытии к тому, чтобы исправить в новой земной жизни неудовлетворительно сделанные опыты, развить оставшиеся неразвитыми способности. В духовном бытии несправедливость, причиненную, например, какому-нибудь человеку, он ощущает так, что нарушил ею мировой порядок и что необходимо в последующей жизни быть с этим человеком на земле одновременно, чтобы, изменив к нему свое отношение, загладить эту несправедливость. С движением вперед душевного развития кругозор расширяется на ряд предшествовавших земных жизней. Таким образом путем наблюдения человек достигает познания истинного хода жизни "я" росшего порядка. Он знает, что человек проходит совокупное бытие свое на земле в повторных земных жизнях и что между повторными земными жизнями лежат чисто духовные жизненные промежутки, находящиеся с земными жизнями в закономерной связи.

Таким образом познание о повторных жизнях на земле доводится до действительного наблюдения. (Только чтобы предотвратить постоянно возникающие недоразумения, напомним изложенное точнее в других моих сочинениях. Совокупное бытие человека протекает не так, как если бы жизнь повторялась вечно. Существует известное число повторений; к ним примыкают до и после них совсем иные роды бытия; и все это является в совокупном течении своем как исполненное мудрости развитие.)

Познание, что человек проходит свое развитие в повторных жизнях, может быть также приобретено разумным наблюдением чувственного бытия. В моей книге "Теософия", в моем "Очерке тайноведения", как и в более мелких моих сочинениях были сделаны попытки дать доказательства повторных земных жизней в их связи, доказательства, проведенные в форме, свойственной научным рассуждениям современного естественнонаучного учения о развитии. Целью их было показать, как последовательное мышление и исследование, действительно доводящее до конца естественнонаучные изыскания, не может поступить иначе, как представить современную идею развития в применении к человеку в таком значении, что истинное существо, душевная индивидуальность человека должна рассматриваться как нечто, что развивается через повторные чувственные жизни и лежащие между ними промежутки чисто духовного бытия. То, что я там пытался дать как доказательство, естественно может быть гораздо дальше развито и

усовершенствовано. Но мнение, что доказательства в этой области имеют точно такую же научную познавательную ценность, как и то, что обычно называется естественнонаучными доказательствами, не может показаться неосновательным. Нет ничего в науке о духовном, что не могло бы опереться на приведенные таким образом доказательства. Нужно, конечно, сказать, что доказательства духовно-научные, само собою разумеется, с гораздо большим трудом могут добиться признания, чем естественнонаучные. Но это происходит не от того, что они менее строги, а оттого, что человек, когда имеет их перед собой, не ощущает под ногами почвы чувственных фактов, которая в естествознании облегчает ему признание доказательств. Но к силе доказательств как таковой это не имеет никакого отношения. И кто в состоянии непредубежденно сравнить естественнонаучные доказательства с проведенными таким же образом доказательствами духовно-научными, тот, конечно, сможет убедиться в их равноценности относительно доказательной силы. Таким образом к тому, что наблюдатель духовных миров на основании своего созерцания может дать описание повторных земных жизней, могут присоединиться еще и соображения, подкрепляемые такими доказательствами. Одно может помочь другому создать путем простого понимания убеждение в повторности общего течения человеческой жизни. Здесь была сделана попытка указать путь, ведущий за пределы понимания к созерцанию этой повторности.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

